

нять на указку моралиста и мыслителя. Природа, къ счастью, его мать великая, этого обмѣна ему не позволила...

Но это не исключаетъ того, что Толстой намъ дорогъ весь. Можно не принимать его теорій (какъ не принимаетъ ихъ пишущій эти строки), но нельзя не принять его личности и нельзя не полюбить того мудраго художественнаго произведенія, которымъ является вся его жизнь. Когда подходишь къ ней, тогда уже не дѣлишь Толстого на художника и мыслителя, тогда благоговѣйно цѣнишь цѣлое. Книги его можно раздѣлять — самъ онъ, какъ живой образъ, недѣлимъ. И въ этомъ отношеніи, среди обильныхъ психологическихъ красотъ, среди прекрасной выразительности, отличающей повѣсть „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“, такъ важны и такого глубокаго смысла полны субъективныя признанія Толстого. Вотъ онъ говорить: „...тѣмъ-то и страшна жизнь, что тѣлесныя пораненія, всякия болѣзни не забываются и заставляютъ страдать и бороться; пораненія же нравственныя, духовныя сглаживаются для людей, не живущихъ духовной жизнью, сглаживаются просто теченіемъ жизни, мелкими интересами обихода, засыпаются мелкимъ соромъ обыденной жизни“. Когда-то онъ бы этого не сказалъ; когда-то онъ не сѣтовалъ на Наташу Ростову, а благословлялъ ее за то, что смерть Болконскаго, это „нравственное пораненіе“, эта духовная рана, у нея зарубцовалаась; и цѣлительныя силы